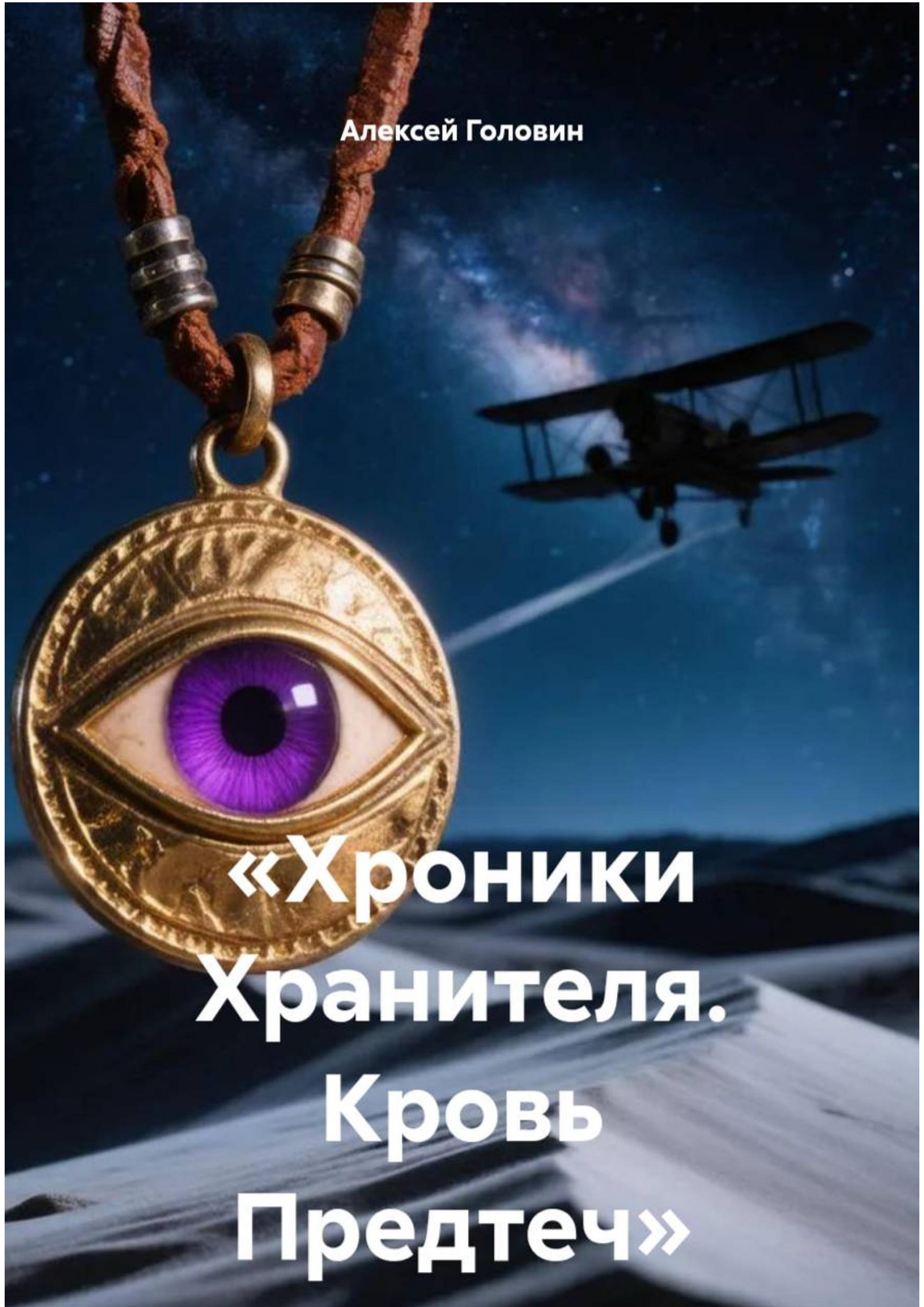

Алексей Головин

**«Хроники
Хранителя.
Кровь
Предтеч»**

Алексей Головин

**«Хроники Хранителя.
Кровь Предтеч»**

«Автор»

2026

Головин А. Г.

«Хроники Хранителя. Кровь Предтеч» / А. Г. Головин —
«Автор», 2026

Бывший военный пилот Анри Дюваль получает письмо от исчезнувшего дяди — ключ, карта Сахары и билет до Алжира. Дядя искал Око — древний механизм, способный открывать ткань времени. И нашёл. Вместе с Элен, дочерью погибшего исследователя, и проводником Тареком Анри отправляется в экспедицию через пески. По следу идёт Братство Песочных Часов — те, кто веками мечтает открыть все девять Ок и получить власть над временем. Анри должен успеть первым. От Сахары до ледников Тибета, от эфиопских водопадов до антарктических вулканов, от амазонских джунглей до австралийских пустынь — путешествие длиною в жизнь. Аэроплан как оружие, кровь как ключ, любовь как единственное, что держит двери на замке. Три книги под одной обложкой: приключения, мистика, древние тайны, эпоха 1920–1930-х годов и история о том, что даже Тьма может быть не врагом, а частью мира. «Анам-кара. Илу-тани. Шем-ахери» — «Я — ключ. Я — дверь. Я закрываю».

© Головин А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

«Хроники Хранителя. Кровь Предтеч»

Глава

Глава 1. Письмо из Алжира

1

Марсель, 3 октября 1927 года.

Дождь начался внезапно — как всегда в октябре, когда ветер с моря приносит тучи, тяжёлые, как мокрое сукно. Анри Дюваль стоял под навесом ангара и смотрел, как капли барабанят по гофрированной жести крыши. Этот звук — монотонный, убаюкивающий — напоминал ему войну. Там, на фронте, дождь тоже был постоянным спутником: он заливал аэродромы, превращая их в болота, он стучал по брезенту палаток, он смешивался с запахом касторового масла и пороха. Только там, в небе, дождя не было. В небе было солнце — всегда, даже когда внизу шёл ливень. Достаточно было подняться на тысячу метров — и ты оказывался в другом мире. Мире тишины и света.

Теперь небо было закрыто.

Анри вздохнул и перевёл взгляд на аэроплан. «Кодрон» стоял в глубине ангара — изящная трёхмоторная машина, которую он купил два года назад на деньги, вырученные от продажи отцовского дома в Лионе. Тогда ему казалось, что это лучшее вложение: свой аэроплан, своя мастерская, своя жизнь. Грузовые перевозки, частные заказы, иногда — полёты над морем для богатых бездельников, которым нравилось щекотать нервы. Работа не пыльная, деньги небольшие, но стабильные.

И всё же каждый раз, когда он садился в кабину, ему казалось, что он предаёт себя. Себя того, двадцатилетнего, который летал на «Ньюпоре» над Верденом и верил, что небо — это свобода. Свобода от земли, от правил, от смерти. Теперь свобода пахла бензином и оплаченными счетами.

Он докурил сигарету, бросил окурочек в лужу и уже собирался запереть ангар, когда услышал шаги.

По гравию дорожки, ведущей от ворот, шла женщина. Высокая, в тёмно-сером пальто, с зонтом, который ветер вырывал у неё из рук. Лица было не разглядеть — поля шляпки скрывали его, — но походка была уверенной, слишком уверенной для случайной посетительницы. Анри насторожился. К нему редко приходили женщины. Ещё реже — такие, что не боялись дождя. — Месье Дюваль? — голос был низкий, с лёгкой хрипотцой. Она остановилась в двух шагах, сложила зонт и подняла голову.

Анри увидел лицо. Бледное, с острыми скулами и серыми глазами, которые смотрели прямо, не мигая. Светлые волосы убраны под шляпку, но несколько прядей выбились и прилипли к вискам от влаги. На вид — около тридцати. Красива, но красотой холодной, сдержанной, как у античных статуй. И что-то в её лице было знакомое — какая-то тень, какая-то черта, которую Анри не мог уловить.

— Да, — ответил он. — Чем могу помочь?

— Меня зовут Элен Моро. Я дочь Шарля Моро.

Имя ударило, как выстрел.

Шарль Моро. Анри не слышал этого имени уже много лет — с тех пор, как дядя Жак-Эмиль, умирая в оазисе под пальмой, говорил ему о человеке, который знал тайну. «Найди Шарля Моро, — сказал тогда дядя. — Он в Париже. У него книга. Книга, которая всё объясняет». Но Анри не нашёл. Шарль Моро умер — погиб при странных обстоятельствах, как писали газеты: несчастный случай в Альпах, камнепад. Ему было сорок четыре. После него осталась дочь, но Анри не пытался её искать. Война научила его: мёртвых не вернёшь, а тайны лучше оставить в покое.

И вот теперь дочь Шарля Моро стояла перед ним — живая, реальная, с дождём на ресницах и письмом в руке.

— Проходите, — сказал он, открывая дверь в мастерскую. — Здесь сухо. И кофе есть.

2

Мастерская Анри располагалась в задней части ангара — маленькая комната с железной печкой, верстаком и стеллажами, забитыми инструментами. На стенах висели карты, фотографии аэропланов и выцветший снимок эскадрильи — восемь человек в кожаных куртках, с улыбками, которые война ещё не стёрла. Анри налил кофе из термоса, подвинул госте единственный стул и сел на ящик

из-под пропеллеров.

Элен расстегнула пальто, но не сняла его. В руках она держала кожаный портфель, который положила на колени.

— Вы знали моего отца? — спросила она. — Нет. Мой дядя знал. Жак-Эмиль Дюваль. Они вместе работали — в Каире, кажется. Я никогда не видел вашего отца. Только слышал о нём.

— Мой отец много лет переписывался с Жаком-Эмилем, — сказала Элен. — Они вместе искали то, что отец называл «Ока». Вы что-нибудь знаете об этом? Анри покачал головой. Ему не хотелось врать, но и говорить правду — всю правду — он не был готов. Слишком много времени прошло. Слишком многое похоронено в песках.

— Дядя был... эксцентричным человеком, — сказал он осторожно. — Он верил в древние цивилизации, в какие-то механизмы, в Предтеч. Я думал, это просто фантазии старика.

— Это не фантазии, — ответила Элен и открыла портфель.

Она достала книгу. Большую, в потёртом кожаном переплёте, с тиснением в виде глаза — удлинённого, с завитком-спиралью, похожего на древнеегипетский иероглиф. Анри видел такой символ однажды — на амулете, который дядя носил не снимая.

— Это «Трактат о древних порогах», — сказала Элен. — Мой отец написал его в тысяча девятьсот десятом году. Академическое сообщество высмеяло книгу. Отца называли фантазёром. Но он знал, о чём писал. Знал, что в определённых точках Земли существуют... устройства. Он называл их Ока. Линзы, через которые можно смотреть сквозь время. И не только смотреть.

— Что ещё? — спросил Анри. Голос его прозвучал глухо.

— Открывать. Или закрывать. — Она раскрыла книгу на странице, заложённой лентой. — Вот, читайте.

Анри взял книгу. Страницы были старые, пожелтевшие, с пометками на полях, сделанными мелким почерком. Он прочитал:

«В сердце Сахары, под плато Тадемаит, находится одно из Ок. Древние называли его "Окулус Деи" — Око Бога. Оно спит уже десять тысяч лет. Но сон его не вечен. Придут те, кто захочет открыть его. И тогда Ткань, связующая миры, истончится. И Тьма, что ждёт по ту сторону, войдёт в наш мир».

Анри поднял глаза.

— Ткань? Тьма?

— Ткань — это то, что отделяет нашу реальность от... другой, — сказала Элен.

— Той, что за временем. Отец верил, что время — не линия, а полотно. И в этом полотне есть дыры. Ока — это дыры. Или, точнее, двери. Предтечи создали их, чтобы управлять временем. Но что-то пошло не так. Ока стали источником опасности. Предтечи исчезли. Остались только мы — хранители.

— Хранители? — переспросил Анри.

— Люди, в чьих жилах течёт кровь тех, кто когда-то служил Стражами Порогов. Мой отец был хранителем. Ваш дядя — тоже. И вы, Анри. Вы — хранитель. Последний из рода Дюваль.

Анри отложил книгу. В висках стучало. Он чувствовал, как знакомая дрожь пробегает по позвоночнику — та самая дрожь, которая всегда предшествовала вылету. Дрожь перед стартом. Дрожь перед неизвестностью.

— Допустим, — сказал он медленно. — Допустим, всё это правда. Что вы хотите от меня?

Элен достала из портфеля ещё один предмет — конверт. Протянула Анри.

— Это последнее письмо моего отца. Он отправил его за день до смерти. Я получила его месяц назад — оно затерялось на почте. Прочтите.

Анри вынул лист. Почерк был нервный, размашистый, с кляксами и зачёркнутыми словами.

«Дорогая Элен. Если ты читаешь это, меня уже нет в живых. Прости, что не рассказал всего раньше. Боялся за тебя. Но теперь бояться поздно. Они нашли меня. Братство Песочных Часов. Они знают о книге. Знают об Оке. Знают о тебе. Беги. Найди Анри Дюваля в Марселе. Он — последний, кому можно верить. Он — ключ. Он закроет Око. И помни: первая дверь — в Сахаре. Алжир. Тадемаит. Карта в книге. Поспеш. Времени почти нет. Твой отец».

Анри сложил письмо. Руки не дрожали — спасибо войне, она выбила дрожь из пальцев. Но внутри что-то оборвалось. Та самая струна, которую он глушил годами — работой, кофе, сигаретами, молчанием, — зазвенела снова.

— Кто они? — спросил он. — Братство?

— Организация, которая существует много веков, — ответила Элен. — Они знают об Оках больше, чем кто-либо. Они ищут их. И они хотят открыть все девять. Чтобы получить власть над временем.

— Зачем им это? — Власть. Бессмертие. Возможность переписывать историю. Я не знаю точно. Но отец боялся их больше всего на свете. И они убили его. Это не был камнепад. Это было убийство.

В комнате повисла тишина. Дождь за окном усилился. Где-то далеко, в порту, прогудел пароход — низкий, протяжный звук, похожий на стон.

Анри встал, подошёл к окну и посмотрел на море. Серое, беспокойное, с белыми барашками волн. Он думал о дяде, которого почти не знал, но который перед смертью говорил о нём. О Шарле Моро, который умер, защищая тайну. Об этой женщине с холодными серыми глазами, которая сидела в его мастерской и говорила о конце света так спокойно, будто обсуждала меню завтрака.

— Почему я? — спросил он, не оборачиваясь. — Почему ваш отец написал обо мне?

— Потому что вы — пилот, — ответила Элен. — И потому что вы — хранитель. Кровь Предтеч в ваших жилах — это ключ. Без вас Око не закрыть.

— А если я откажусь?

— Тогда Братство откроет его. И Тьма придёт.

Анри обернулся. Их взгляды встретились. Он видел: она не лжёт. Или, по крайней мере, верит в то, что говорит. А этого достаточно, чтобы мир перевернулся.

Он достал из кармана амулет — тот самый, что дядя передал ему через Тарека после смерти. Золотой диск с выгравированным глазом. Надел на шею. Металл был холодным, но быстро нагрелся от тела.

— Когда вылетаем? — спросил он.

Элен улыбнулась — впервые за весь разговор. Улыбка была короткой, сдержанной, но в ней мелькнуло что-то тёплое.

— Завтра на рассвете, — сказала она. — Я уже заказала билеты на пароход до Алжира. Но, кажется, с вами мы можем добраться быстрее.

— Мой аэроплан быстрее любого парохода, — кивнул Анри. — Но до Сахары далеко. Нужна дозаправка. И проводник.

— Проводник есть, — сказала Элен. — Он ждёт нас в Алжире. Его зовут Тарек. Вы слышали о нём?

Анри усмехнулся. Тарек. Верный друг дяди, который закрыл старику глаза и

похоронил его под пальмой. Человек, который знал пустыню, как собственную ладонь. Конечно, он слышал о нём.

— Слышал, — сказал он. — Значит, нас трое.

— Нас трое, — подтвердила Элен. — Против целой организации.

— Нормально, — сказал Анри и вдруг почувствовал, как в груди, там, где врачи слушали его сбивчивое сердце, рождается забытое чувство. Азарт. Тот самый азарт, который когда-то поднимал его в небо навстречу вражеским эскадрильям.

— Я привык.

3

Ночь перед вылетом Анри провёл без сна. Он сидел в мастерской при свете керосиновой лампы и читал книгу Шарля Моро. «Трактат о древних порогах» был написан тяжело, научным языком, с обилием ссылок на мёртвые языки и археологические находки. Но главное Анри понял.

Девять Ок. Девять точек на карте мира, где Ткань истончается до предела.

Каждое Око — это линза. В спящем состоянии она просто смотрит. Но если её разбудить — она становится дверью. Дверью в прошлое? В будущее? В другие миры? Шарль не знал точно. Он знал только, что за Тканью что-то есть. Что-то живое. Что-то голодное. И оно ждёт.

Братство Песочных Часов — секта, корни которой уходят в античность. Шарль проследил их историю на две тысячи лет назад: римские патриции, средневековые алхимики, масоны, оккультисты девятнадцатого века. Они

верили, что Предтечи были не просто древней цивилизацией, а существами высшего порядка. Что они не исчезли, а ушли за Ткань. И что Ока — это мост, по которому можно вернуть их. Или уйти к ним.

Всё это звучало безумно. Но Анри, пройдя войну, знал: мир устроен гораздо сложнее, чем кажется из кабины аэроплана. Под тонкой плёнкой реальности всегда прячется хаос. Он видел его в глазах людей, которые шли в штыковую атаку. Видел в лицах тех, кто горел заживо в подбитых машинах. Видел в зеркале, когда возвращался с вылетов.

Хаос — это естественное состояние мира. И если книга Шарля Моро была правдой, то хаос только начинался. На рассвете он заправил «Кодрон», проверил моторы и уложил в багажный отсек запасные канистры с горючим. Элен пришла ровно в шесть — с небольшим саквояжем, но без книги. Книгу она оставила в Париже, в банковской ячейке, а с собой взяла только карту и несколько выписок. — Не бойтесь, что Братство найдёт книгу? — спросил Анри.

— Банковская ячейка на имя моей покойной матери, — ответила Элен. — Им придётся очень постараться.

Они сели в кабину. Анри запустил моторы. Пропеллеры завертелись, поднимая ветер. Машина, подпрыгивая на грунтовой полосе, разбежалась и взмыла в небо. Под крылом проплыл Марсель — белые кубики домов, порт, собор, бухта с пароходами. Потом — море. Синее, спокойное в утреннем свете, с редкими барашками волн.

Анри взял курс на юг. На Алжир. На Сахару. На Око.

Он не знал, вернётся ли. Не знал, что ждёт его в песках. Но впервые за много лет он чувствовал себя живым. По-настоящему живым.

Небо звало его.

И он ответил.

4

Средиземное море под крылом «Кодрона» было именно таким, каким Анри запомнил его с войны, — бескрайним, равнодушным, живущим своей собственной жизнью. С высоты тысячи метров волны казались застывшей рябью на поверхности старого зеркала, а редкие пароходы — детскими игрушками, забытыми кем-то в ванне. Солнце, ещё не достигшее зенита, висело слева по борту, заливая кабину мягким октябрьским светом.

Анри любил это время суток. Утро — единственные часы, когда небо принадлежало ему безраздельно. Днём приходилось делить его с пассажирами, с грузами, с заказчиками, которые хотели долететь побыстрее и не понимали, зачем пилоту нужно сделать лишний круг над бухтой. Вечером небо

становилось чужим — тёмным, холодным, полным невидимых опасностей. А ночью... Ночью Анри предпочитал быть на земле. Ночные полёты он оставил войне.

Но утро, раннее, когда солнце ещё не разогнало туман над водой, а воздух чист и прозрачен — такое утро было подарком. Анри вдохнул полной грудью. Даже запах бензина и горячего масла не портил этого ощущения — ощущения, что ты один в бескрайнем синем пространстве и что всё ещё возможно.

Элен сидела в кресле второго пилота. Она отказалась от предложения устроиться в пассажирском салоне — сказала, что хочет видеть дорогу. Анри не возражал. Он привык летать один, но её присутствие не тяготило. Напротив — было в нём что-то правильное. Что-то, чего он не мог объяснить словами.

— Красиво, — сказала она, глядя в окно.

— Да. Я всегда думал, что самое красивое на Земле — это небо. Не горы, не море, не леса. Небо. Потому что оно разное каждую секунду. Оно никогда не повторяется.

— Вы поэт, месье Дюваль.

— Нет. Просто пилот. Пилоты либо становятся поэтами, либо сходят с ума. Третьего не дано.

Элен улыбнулась — той же короткой, сдержанной улыбкой, что и вчера. И снова она исчезла слишком быстро, как будто её обладательница боялась, что улыбка — это слабость.

— Расскажите о Тареке, — попросил Анри, чтобы нарушить молчание. — Вы сказали, он ждёт в Алжире. Откуда вы его знаете?

— Я не знаю его лично. Но отец много писал о нём. Тарек был проводником в двух экспедициях — отцовской и вашего дяди. Он знает Сахару, как никто другой. Говорят, он может найти дорогу по запаху, как верблюд. И он умеет читать следы — такие старые, что их уже не видно глазу.

— Это полезно.

— Более чем. — Элен помолчала. — Ещё отец писал, что Тарек — один из немногих, кому можно доверять. Он не предаст. Никогда.

— Почему?

— Он — сын пустыни. А пустыня не прощает предательства. Тот, кто живёт в песках, либо держит слово, либо умирает. Третьего не дано.

Анри кивнул. Он понял. На войне было так же: тот, кто предавал, долго не жил. Не потому, что его карало начальство, — просто сама жизнь на передовой не терпела лжи. Ложь была слишком тяжёлой ношей. Она мешала летать.

Аэроплан качнуло. Анри бросил взгляд на приборы. Высота — тысяча двести метров. Скорость — сто шестьдесят километров в час. Курс — юго-юго-запад. До Алжира оставалось около трёх часов лёта.

— Вы сказали, что Братство убило вашего отца, — произнёс он. — Как это случилось?

Элен отвернулась к окну. Долго молчала. Анри уже подумал, что она не ответит.

— Это было в горах, — сказала она наконец. — В Дофине, недалеко от Гренобля. Отец ушёл в одиночный поход. Он часто так делал — уходил на неделю, иногда на две. Говорил, что горы помогают ему думать. Что там, на высоте, мысли становятся яснее. — Она сглотнула. — Я не волновалась. Он был опытным альпинистом. Знал каждый перевал, каждую тропу. Но через десять дней от него не было вестей. Я обратилась в полицию. Его нашли через три дня — в ущелье, под камнепадом. Так сказали спасатели. Камнепад.

— Вы не верите в это. — Камнепады случаются. Но не с теми, кто знает горы как свои пять пальцев. И не на маршрутах, которые отец проходил десятки раз. — Она посмотрела на Анри. — Я нашла его дневник. Он лежал в рюкзаке, который чудом не упал в пропасть. Последняя запись была сделана за день до смерти. Он писал: «Они нашли меня. Следили от самого Лиона. Я попытаюсь уйти через перевал, но если не успею...» И дальше — обрыв. Как будто он услышал что-то и спрятал дневник. А потом — камнепад.

— Вы сообщили полиции?

— Конечно. Они сказали — трагическая случайность. Никаких следов насилия. Никаких свидетелей. Дело закрыли. — Она сжала кулаки. — Тогда я начала искать сама. Подняла отцовскую переписку. Нашла письма от Жака-Эмиля.

Нашла книгу. Нашла упоминания о Братстве. И поняла: отца убили. Убили, потому что он подошёл слишком близко. Потому что он знал, где находится первое Око.

— И теперь они охотятся за вами.

— Да. За мной. За книгой. За всеми, кто знает тайну. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — И за вами тоже, Анри. Как только вы согласились помочь мне — вы стали их врагом.

— Я был их врагом задолго до вас, — ответил он. — Мой дядя знал тайну.

Значит, и я — часть этой истории. Просто не знал об этом.

Он подумал о дяде, которого никогда не видел, но который выбрал именно его. О том, как странно иногда работает судьба: ты живёшь своей жизнью, крутишь гайки, возишь пассажиров, платишь по счетам, а потом в один дождливый вечер приходит женщина с письмом, и мир переворачивается. И ты понимаешь, что все эти годы ты не жил — ты ждал. Ждал вот этого момента.

5

Алжир появился на горизонте около полудня — сначала белое пятно, дрожащее в мареве, потом отчётливые кубики домов, карабкающихся по склону холма, портовые краны, мачты пароходов, купола мечетей. Город был похож на тот, что

Анри видел четыре года назад, когда впервые прилетел сюда по следам дяди, — и одновременно другой. Война изменила всё: французская администрация укрепилась, порт расширили, появились новые здания. Но белизна — ослепительная, почти невыносимая для глаз, — осталась прежней.

Анри посадил «Кодрон» на военном аэродроме в восточной части города, к большому неудовольствию дежурного офицера — толстого капитана с усами, похожими на двух дохлых гусениц. Капитан долго изучал документы, хмурился, но, узнав фамилию Дюваль, неожиданно смягчился.

— Дюваль? Не родственник ли вы Жака-Эмиля Дюваля?

— Племянник.

— О! — капитан просиял. — Я знал вашего дядю. Прекрасный был человек. Немного... странный, но прекрасный. Он консультировал нас по картографии. Знал пустыню как никто. — Он вернул документы и даже помог организовать заправку. — Если вам что-то понадобится, месье Дюваль, обращайтесь. В память о вашем дяде.

— Спасибо, капитан.

Они взяли такси до старого города — туда, где, по словам Элен, находился дом Тарека. Дорога шла через кварталы, которые Анри помнил по прошлому визиту: узкие улочки, увитые бугенвиллеей, тёмные провалы дверей, женщины с закрытыми лицами, мальчишки, бегущие за автомобилем с криками «месье! месье!». Запахи — специи, жареное мясо, кальянный дым, море — смешивались в густой, почти осязаемый коктейль.

Дом Тарека находился в районе, прилепившемся к склону холма над портом, — белый, двухэтажный, с плоской крышей, увитой виноградом. Дверь была открыта. Во дворе, в тени старой смоковницы, сидел человек.

Анри сразу узнал его.

Тарек почти не изменился. Тот же орлиный нос, те же чёрные, глубоко посаженные глаза, та же осанка — прямая, гордая, несмотря на годы. Только в волосах прибавилось седины, да морщины у глаз стали глубже. Он был одет в простую белую рубаху и широкие шаровары, на поясе — неизменный кинжал с рукоятью из слоновой кости. Перед ним на низком столике стоял медный чайник и крошечные чашечки.

— Анри Дюваль, — произнёс он вместо приветствия. Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой. — Я знал, что ты прилетишь. Твой дядя говорил: «Однажды он вернётся. Когда придёт время».

— Вы — Тарек? — Он самый. — Проводник поднялся и протянул руку. Они обменялись крепким рукопожатием. — Добро пожаловать в Алжир. Снова.

— Вы помните меня?

— Я помню всех, кого водил через пустыню. А тебя я помню особенно. Ты был молод, горяч, и у тебя были глаза человека, который не умеет сдаваться. Такие глаза не забываются. — Тарек перевёл взгляд на Элен. — А вы, должно быть, дочь Шарля Моро. У вас его лоб. И его упрямый подбородок.

— Вы знали моего отца?

— Я был его проводником. И его другом. — Тарек помрачнел. — Я слышал о его смерти. Примите мои соболезнования. Шарль был великим человеком. Он заслуживал лучшей участи.

— Он заслуживал правды, — сказала Элен. — И я намерена её найти.

— Для этого вы здесь? — Тарек жестом пригласил их сесть и разлил чай. — Я получил вашу телеграмму, но без подробностей. «Ищу Око. Нужна помощь». Это всё, что вы написали.

— Мы не могли написать больше, — ответила Элен. — Братство следит за телеграфом. Любое лишнее слово — и они были бы здесь раньше нас.

— Братство, — Тарек кивнул. — Значит, они снова активизировались. Я чувствовал это. Последние месяцы в Алжире появлялись странные люди. Европейцы, но не военные и не торговцы. Спрашивали о Жаке-Эмиле. О его доме. О его бумагах. Я сказал, что ничего не знаю. Но они не поверили. — Он отхлебнул чай. — За домом следят до сих пор. Я проверял.

— Нам нужно попасть в дом, — сказал Анри. — Там остались бумаги дяди. Возможно, карты.

— Бумаги — да. Карты — вряд ли. После смерти Жака-Эмиля я перенёс всё в надёжное место. — Тарек понизил голос. — Дом — ловушка. Братство ждёт, что ты вернёшься туда. Как только ты переступишь порог — они узнают.

— Тогда как нам попасть туда незаметно?

— Никак. Но есть другой путь. — Тарек встал и подошёл к стене дома. Нажал на не приметный камень — часть стены отъехала в сторону, открывая тёмный проём. — Старые арабские дома строили с подземными ходами. Этот ведёт к дому твоего дяди. Под землёй, через три квартала. Братство не знает о нём. Жак-Эмиль сам показал мне этот ход много лет назад. Сказал: «Пригодится, когда меня не станет».

— Он знал, что умрёт? — спросил Анри.

— Знал. Готовился. Поэтому и оставил амулет. Поэтому и написал тебе. —

Тарек посмотрел на него. — Твой дядя был непростым человеком. Он видел то, чего не видели другие. И он верил, что ты завершишь его дело.

— Я даже не знал его толком.

— Это неважно. Он знал тебя.

6

Подземный ход оказался узким, но surprisingly сухим — стены, выложенные старым камнем, не пропускали влагу. Тарек шёл первым, держа в одной руке керосиновую лампу, в другой — револьвер. Анри и Элен следовали за ним.

— Этот ход построили ещё при турках, — рассказывал Тарек шёпотом. — Тогда в Алжире часто случались нападения пиратов. Богатые семьи делали подземные выходы, чтобы спастись. Потом ходы забыли. Жак-Эмиль нашёл этот случайно — купил дом и обнаружил люк в подвале.

— Он жил один? — спросила Элен.

— Всегда. Говорил, что пустыня — его жена, а тайны — его дети. — Тарек усмехнулся. — Он был странным человеком. Но хорошим. Таких, как он, сейчас не делают.

Через полчаса они остановились перед деревянной дверью, обитой железными полосами. Тарек нажал на скрытую пружину, и дверь отворилась. Они вошли в подвал.

Здесь всё было по-прежнему — Анри узнал стеллажи с книгами, стол, заваленный бумагами, старую лампу с потухшим фитилём. В углу стоял сундук, которого он не помнил. Тарек открыл его.

— Здесь всё, что осталось от Жака-Эмиля. Дневники. Карты. Письма. — Он достал толстую тетрадь в кожаном переплёте. — Особенно это. Он писал её последние месяцы. Называл «Завещание хранителя». Я не читал — он просил не открывать, пока не придёшь ты.

Анри взял тетрадь. Страницы были исписаны знакомым почерком — размашистым, с длинными хвостами букв. Он открыл первую страницу и прочитал вслух:

«Анри. Если ты читаешь это, значит, я мёртв, а ты стоишь в моём подвале. Не удивляйся — я давно знал, что этот день настанет. Пустыня предупредила меня. Она всегда предупреждает тех, кто умеет слушать. То, что я скажу сейчас, важно. Важнее всего, что ты когда-либо слышал. Ты — хранитель. Это не метафора. Это факт. В твоей крови есть то, чего нет у других людей. То, что связывает тебя с Предтечами — народом, который жил на Земле задолго до нас. Они создали Ока — устройства, способные открывать двери в Ткани. Они были великими учёными, инженерами, магами — называй как хочешь. Но они совершили

ошибку. Они открыли дверь, которую не смогли закрыть. И тогда они создали нас — хранителей. Людей, чья кровь может запирать Ока.

Нас было много. Сейчас остались единицы. Я — один из последних. Ты — следующий. После тебя будут другие, но это уже не наша забота.

Первое Око находится в Сахаре. Я искал его тридцать лет и нашёл. Оно под плато Тадемаит, в пещере, которую местные называют "аль-Айн" — Глаз. Я не смог закрыть его в одиночку — для этого нужны двое. Хранитель и... тот, кто его любит. Или кто любит хранителя. Я не знаю точно, как это работает.

Древние тексты говорят: "Кровь открывает, кровь закрывает, но только любовь держит дверь на замке".

Элен Моро — дочь Шарля. Она найдёт тебя. Помоги ей. Закрой Око. И помни: первая дверь — только начало. Их девять. Девять Ок по всему миру. Найди их.

Закрой их. Или всё, что мы знаем, исчезнет.

Твой дядя, Жак-Эмиль».

Анри закончил читать и поднял глаза. В подвале было тихо — только где-то наверху, в доме, скрипели половицы под ногами невидимого стража Братства.

— «Кровь открывает, кровь закрывает, но только любовь держит дверь на замке», — повторила Элен. — Что это значит?

— Не знаю, — ответил Анри. — Но, кажется, мы скоро узнаем.

Тарек закрыл сундук и подошёл к лестнице, ведущей наверх.

— Нам пора уходить, — сказал он. — Братство может обыскать дом в любой момент. Нужно готовиться к экспедиции. Если первое Око там, где указал Жак-Эмиль, путь будет неблизким.

— Сколько дней? — спросила Элен.

— На верблюдах — неделя. На аэроплане — несколько часов. Но там, в сердце пустыни, нет места для посадки. Только песок и скалы.

— Значит, придётся садиться на песок, — сказал Анри. — Я сажал «Кодрон» на такыр в Эфиопии. Справлюсь и здесь.

— Тогда идём. — Тарек взял лампу. — У меня есть всё необходимое: вода, провизия, оружие. Выступаем завтра на рассвете.

Они двинулись обратно по подземному ходу. Анри шёл последним, сжимая в руке тетрадь дяди. Слова Жака-Эмиля звучали в голове: «Только любовь держит дверь на замке». Что это за любовь? Любовь к кому? К Элен, которую он знал всего второй день? К небу, которое было его единственной страстью? К мёртвому дяде, который верил в него?

Ответа не было. Но он знал, что найдёт его. В Сахаре. У первого Ока.

7

Ночь перед вылетом в пустыню Анри провёл на крыше дома Тарека.

Он не мог спать — так бывало всегда перед дальним перелётом. Организм, привыкший к войне, включал какой-то внутренний механизм бодрствования: сердце билось чуть быстрее обычного, зрение обострялось, мысли текли ясно и

холодно, как вода из горного родника. Анри знал: это пройдёт, как только он сядет в кабину и возьмётся за штурвал. Но пока — нужно было просто ждать.

Он лежал на старом ковре, который Тарек расстелил на плоской крыше, и смотрел в небо. Звёзды над Алжиром были не такими, как над Марселем. Они были крупнее, ярче, ближе. Казалось, протяни руку — и заденешь кончиками пальцев холодный свет. Млечный Путь перерезал небосвод, как река, и Анри вспомнил, как в детстве мать рассказывала ему, что это дорога, по которой души умерших уходят в рай. Тогда он верил. Теперь — нет. Теперь он знал: небо —

это просто небо. Огромное, пустое, равнодушное. И именно это делало его прекрасным.

Рядом скрипнула дверь. На крышу поднялась Элен. Она была в длинной тунике, которую одолжила у жены Тарека — тихой женщины по имени Фатима, которая не произнесла ни слова за весь вечер, но приготовила им ужин и постелила постели. Элен выглядела иначе, чем днём: без строгого пальто и шляпки, с распущенными волосами, она казалась моложе и уязвимее. Анри поймал себя на мысли, что впервые видит её без брони — той невидимой, но прочной брони, которую она носила с первой минуты их встречи.

— Не спится? — спросил он.

— Как и вам. — Она села рядом, скрестив ноги по-турецки. — Я всё думаю о том, что написал ваш дядя. «Только любовь держит дверь на замке». Это звучит как загадка. Или как пророчество.

— Я не верю в пророчества.

— А во что вы верите?

Анри задумался. Вопрос был простым, но ответа на него он не знал. В Бога он перестал верить на войне — слишком много смертей, слишком много бессмысленных смертей, чтобы списывать их на божественный промысел. В людей он верил с трудом — люди предавали, лгали, трусили. В себя? Пожалуй, да. В свои руки, которые помнили штурвал. В свою способность принимать решения за доли секунды. В небо, которое никогда не подводило.

— Я верю в небо, — сказал он наконец. — В то, что оно держит меня. Всегда держало.

— Это красиво. Но небо — не человек. Оно не может любить.

— Может, поэтому я ему и верю. — Анри усмехнулся. — Небо не предаёт. Оно просто есть. Всегда.

Элен посмотрела на него долгим взглядом — тем самым, который он уже начал узнавать. В её серых глазах читалось что-то, чего он не мог расшифровать: любопытство, тревога, может быть, зарождающееся доверие.

— Вы когда-нибудь любили? — спросила она.

Вопрос застал его врасплох. Анри отвёл глаза и уставился на звезду, которая мерцала у самого горизонта.

— Да, — ответил он коротко.

— Что случилось?

— Война. — Он помолчал. — Её звали Изабель. Мы познакомились в шестнадцатом, когда я был в отпуске после ранения. Она работала медсестрой в госпитале в Лионе. У неё были рыжие волосы и смех, который лечил лучше любого лекарства. Мы поженились через месяц. Я был счастлив. По-настоящему счастлив.

— А потом?

— Потом меня снова отправили на фронт. Через полгода я получил письмо. Она умерла от испанки. — Анри закрыл глаза. — Я даже не успел приехать на похороны. Был в небе. Сбивал немцев.

Элен не сказала ничего — просто положила свою ладонь поверх его руки. Жест был лёгким, почти невесомым, но Анри почувствовал его всем телом. Давно — слишком давно — никто не касался его вот так. Не из жалости. Не из вежливости. Просто чтобы быть рядом.

— Мне жаль, — сказала она.

— Мне тоже. Прошло десять лет. Я думал, что забыл. Но, кажется, такое не

забывается.

— Не забывается, — подтвердила она. — Мой отец умер три года назад, а я до сих пор иногда просыпаюсь и думаю, что он просто ушёл в горы и скоро вернётся. Потом вспоминаю — и каждый раз это как удар. Они замолчали. В тишине было слышно, как где-то внизу, в доме, тихо переговариваются Тарек и Фатима на своём гортанном диалекте. Как ветер шевелит листья смоковницы. Как далеко в порту перекликаются ночные сторожа.

— Как вы думаете, — произнесла Элен, — мы справимся?

— Не знаю. Но я знаю, что мы должны попытаться. — Анри повернулся к ней.

— Ваш отец верил в это. Мой дядя верил. А я верю в то, что они не ошибались. Они были умнее нас.

— Они были старше нас. Это не одно и то же.

— Может быть. Но я предпочитаю думать, что они знали, что делали.

Элен кивнула. Она не убрала руку, и Анри не стал её убирать. Они сидели так — двое почти незнакомых людей на крыше старого дома в Алжире, — и смотрели, как звёзды медленно гаснут перед рассветом. И в этом молчании было больше слов, чем в любом разговоре.

8

Рассвет застал их уже в порту.

Тарек подготовил караван — трёх верблюдов, навьюченных бурдюками с водой, провизией, оружием и запасными канистрами с горючим. Сам он собирался ехать верхом до оазиса Эль-Голеа, где должен был встретить их после того, как они проведут воздушную разведку. План был таков: Анри и Элен летят на «Кодроне» к плато Тадемаит, находят с воздуха пещеру «аль-Айн», ищут место для посадки, а затем подают сигнал Тареку — дымовой пашкой или зеркалом. Если посадка окажется невозможной, Тарек должен был подойти с караваном и забрать их после вынужденного приземления в пустыне.

— Это безумный план, — сказал Тарек, проверяя упряжь. — Но других у нас нет.

— Безумные планы — моя специальность, — ответил Анри. — На войне я летал на разведку в тыл врага с одним только револьвером и фотоаппаратом. И ничего — жив.

— Война — это одно. Пустыня — другое. Пустыня не стреляет, она ждёт. Ждёт, пока ты совершишь ошибку.

— Я не совершу.

— Все так говорят. — Тарек криво усмехнулся. — Ладно. Да пребудет с вами удача. Встретимся у Ока.

Он хлопнул верблюда по боку, и караван двинулся на юг, в сторону песков.

Анри и Элен направились к аэродрому.

«Кодрон» стоял там же, где они его оставили, — целый, заправленный, готовый к вылету. Дежурный офицер (уже другой, не усатый капитан, а молодой лейтенант с прыщавым лицом) проводил их до машины и даже помог уложить в багажный отсек дополнительный бак с горючим.

— Вы точно знаете, куда летите? — спросил он, разглядывая карту, которую Элен держала в руках. — Там, в центре Сахары, ничего нет. Вообще ничего. Только песок.

— Вот его-то мы и ищем, — ответил Анри. — Песок.

Лейтенант пожал плечами и отошёл. Видимо, решил, что все пилоты

сумасшедшие, и спорить с ними бесполезно.

Моторы загудели. Пропеллеры завертелись. «Кодрон» вырулил на взлётную полосу и, разбежавшись, взмыл в воздух.

Под крылом снова поплыл Алжир — белый, пыльный, прекрасный. Потом начались пригороды. Потом — поля и виноградники. Потом — пустыня.

Настоящая пустыня. Бескрайняя, золотая, мёртвая.

Анри взял курс на юг.

9

Сахара с высоты тысячи метров была похожа на карту, нарисованную безумным картографом: барханы, как волны, застывшие в движении; такыры — ровные, как стол, глинистые равнины; скальные останцы, торчащие из песка, как кости

древних чудовищ. Тени были длинными и чёткими — солнце ещё не поднялось в зенит, и каждый предмет отбрасывал на песок свой тёмный двойник.

Элен следила за картой. Она отмечала ориентиры — высохшие русла рек, одинокие скалы, цепочки барханов, — сверяясь с пометками, которые оставил

Жак-Эмиль.

— Через двадцать минут будет старый колодец, — сказала она, перекрикивая гул мотора. — Дядя писал, что от него нужно взять курс на юго-восток, к двойной скале. Она похожа на верблюжьи горбы.

— Вижу, — ответил Анри, вглядываясь в горизонт.

Двойная скала действительно напоминала верблюжьи горбы — два почти одинаковых пика, соединённых пологой седловиной. Анри заложил вираж и повёл машину к ней.

— От скалы — ещё сорок километров к востоку, — продолжала Элен. — Там должно быть плато Тадемаит. Огромное, как стол. И где-то на его краю — вход в пещеру. — Как мы его найдём? Пещера — не ориентир. Это дыра в скале.

— Дядя писал, что вход отмечен. Три камня, поставленными друг на друга. Как пирамидка.

— Пирамидка в пустыне, — Анри покачал головой. — Очень заметно.

— Других ориентиров нет.

Они летели ещё час. Солнце поднялось выше и теперь палило нещадно. В кабине становилось жарко, несмотря на открытые боковые стёкла. Анри расстегнул куртку. Элен сняла шляпку и обмахивалась картой. Они оба молчали — говорить в такую жару не хотелось, каждое слово стоило усилий.

Наконец впереди показалось плато. Оно возвышалось над песками, как гигантский корабль, севший на мель: плоская вершина, обрывистые края, слоистые стены, изрезанные ветром и временем. Анри снизился до пятисот метров и повёл машину вдоль края плато, высматривая вход.

— Вон там! — Элен вдруг указала вниз.

Анри посмотрел. У подножия плато, на небольшой каменистой площадке, стояла пирамидка из трёх камней. Рядом чернел провал пещеры — узкий, как щель, едва заметный среди скал.

— Аль-Айн, — прошептала Элен. — Глаз.

Анри зашёл на посадку. Это было непросто: площадка перед пещерой была маленькой, усыпанной камнями, с уклоном в сторону барханов. Он сделал круг, примериваясь, потом второй. На третьем круге решился.

«Кодрон» коснулся земли, подпрыгнул на камнях, клюнул носом, но Анри удержал машину. Колёса проскрежетали по гравию и замерли в нескольких

метрах от входа в пещеру.

Тишина. Только ветер, метущий песок, и далёкий крик какой-то птицы.

Анри выключил моторы. Руки дрожали от напряжения. Он стащил шлем и вытер пот со лба.

— Приехали, — сказал он.

Элен уже выбиралась из кабины. В руках она держала фонарь и книгу отца.

Анри взял револьвер, флягу с водой и амулет дяди. Они подошли ко входу.

Пещера была тёмной и холодной. Из неё тянуло сыростью — странный контраст с сухим жаром пустыни. Анри зажёл фонарь и осветил внутрь. Коридор уходил вниз, в темноту, и на его стенах, выбитые прямо в камне, виднелись символы — глаз, спираль, круг.

Те самые, что он видел в книге. Те самые, что были на амулете.

— Мы на месте, — сказала Элен. Голос её дрожал — то ли от волнения, то ли от холода. — Око ждёт.

Анри взял её за руку.

— Идём, — сказал он. — Вместе.

Они шагнули в темноту.

10

Спуск занял около часа. Коридор петлял, разветвлялся, но символы на стенах — глаз, спираль, круг, — служили указателями, и Анри с Элен шли по ним, как по путеводной нити. Воздух становился холоднее. Фонарь выхватывал из темноты то барельеф, изображавший странных существ с удлинёнными головами, то нишу с каменной чашей, то россыпь костей на полу.

— Это место древнее, чем всё, что я видела, — прошептала Элен. — Отец писал, что Предтечи жили десять тысяч лет назад. Но здесь... здесь может быть гораздо старше.

— Десять тысяч, двадцать — какая разница? — Анри шёл, держа револьвер наготове. — Главное — найти Око и закрыть его.

— Вы говорите так, будто это просто.

— Я не говорил, что это просто. Я говорил, что это нужно сделать.

Коридор кончился внезапно. Они вышли в зал.

Анри замер.

Зал был огромен — гораздо больше, чем тот, что он видел в Эфиопии, четыре года назад. Сводчатый потолок терялся в темноте, стены покрывали тысячи символов, а пол был выложен чёрными плитами, отполированными до зеркального блеска. В центре зала, на возвышении, висело Око.

Оно было точно таким, как описывал дядя: чёрный кристалл, метра три в поперечнике, висящий в воздухе без всякой опоры. Внутри кристалла пульсировал фиолетовый свет — медленно, ритмично, как бьющееся сердце.

Символы на его поверхности — те же глаз, спираль, круг — вспыхивали и гасли, создавая иллюзию, что Око моргает. Смотрит. Ждёт.

— Боже мой, — выдохнула Элен.

— Не боже, — поправил Анри. — Предтечи.

Они подошли ближе. Вблизи кристалл казался ещё более живым. В его глубине двигались тени — неясные, зыбкие, как воспоминания о снах. И звук — низкий, вибрирующий, — исходил от него, заполняя зал до краёв. — Дядя писал, что для закрытия нужны двое, — сказал Анри. — Хранитель и тот, кто его любит.

— Я не знаю, люблю ли я вас, — честно ответила Элен. — Я знаю вас второй

день.

— Я тоже не знаю. Но, может быть, любовь — это не только романтика. Может быть, это... доверие. Готовность идти до конца. То, что мы делаем сейчас. Элен посмотрела на него. В свете Ока её глаза казались бездонными.

— Тогда я готова. Что нужно делать?

— Дядя написал: «Кровь открывает, кровь закрывает». Нужно коснуться кристалла — и произнести слова. «Анам-кара. Илу-тани. Шем-ахери». Это значит: «Я — ключ. Я — дверь. Я закрываю».

— Откуда вы знаете эти слова?

— Мне показали их. Там, в Алжире. Четыре года назад. — Анри не стал вдаваться в подробности. — Готовы?

Элен кивнула.

Они подошли к кристаллу. Анри вынул нож, полоснул по ладони — кровь закапала на чёрные плиты. Элен сделала то же самое, не колеблясь. Они взялись за руки — окровавленные ладони соприкоснулись, — и вместе коснулись кристалла.

Холод ударил, как ток. Анри задохнулся, но не отдернул руку. Элен вскрикнула, но тоже осталась на месте. Кристалл вспыхнул — фиолетовый свет залил зал, ослепительный, всепроникающий. Символы на его поверхности закружились в бешеном хороводе.

— Анам-кара! — выкрикнул Анри. — Илу-тани! Шем-ахери!

Элен повторила за ним — сначала тихо, потом громче, и наконец они произносили слова вместе, в унисон, как молитву. Трижды. Как требовал ритуал.

На третьем повторе кристалл задрожал. Фиолетовый свет сменился белым, потом чёрным — и Око погасло. Символы исчезли. Гул стих. Кристалл стал просто камнем — чёрным, мёртвым, холодным.

Анри и Элен отшатнулись. Руки их всё ещё были сжаты, кровь смешалась, и в этом смешении было что-то правильное. Что-то, что древние называли «любовь держит дверь на замке».

— Получилось? — прошептала Элен.

— Получилось, — ответил Анри.

Они стояли в тишине мёртвого зала, глядя на мёртвый кристалл. Первое Око было закрыто. Впереди были ещё восемь.

Но это было позже. А сейчас — сейчас они просто дышали. Просто жили.

Просто держались за руки, не в силах разжать пальцы.

Наверху, над плато, солнце клонилось к закату. Ветер шевелил песок. Караван Тарека приближался к пещере. А в Марселе шёл дождь, и в пустом ангаре сиротливо стоял верстак, на котором лежала забытая кем-то карта с пометкой: «Первое Око закрыто».

Глава 2. Тайна Шарля Моро

1

Париж встретил их дождём — мелким, затяжным, октябрьским, который, казалось, шёл здесь всегда и будет идти вечно. Серое небо висело над городом, как промокшее одеяло, Сена несла мутную воду, листья каштанов на бульварах

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.